

Наталия Лазаренко

Нам не было где жить. Нам не было за что жить. И мы... Тут случился голод. У папы уже не было... Случилось так, что отец не мог нас, троих детей, содержать, потому что мы бы все умерли... Теперь, у нас нет дома... Мы спали где-то под парками, под... там где-то - убегали, прятались где-то, ну, и так, я не знаю... Так что отец решил нас с моим братом, Иваном, отдать в этот – в дом беспризорных. И это он очень, очень мудро поступил. Там хоть как-нибудь, но можно было получить хоть какую-то баланду... Были шансы выжить. Потому что, если бы мы все трое остались с отцом, мы бы умерли. Абсолютно все.

Эти дома беспризорников - они были все забиты. Они были... Была масса, масса бездомных! Масса таких детей! Это было абсолютно ненормально - ненормальная жизнь! Единственное - это то, что мы с голоду не подошли. Вот это, единственное, - что мы не умерли с голоду. Единственное.

Утром встаешь - тот не шевелится, тот не шевелится, тот не шевелится... Другие приходят - и снова та же история.

Но мы знали, что тот мальчик умирает. А с той стороны, с конца этой комнаты, шел мальчишка. Он был глухонемой. Ему было лет 9. Он был старше того мальчика, который лежал. У него не было волос, он был такой, как лысый. Он нам казался таким уродливым! И когда он увидел хлеб, который лежал рядом с тем, который умирал, рядом, на его подушке, то он сразу вскочил - не подпрыгнул, а живо так подошел - и тот хлеб у него забрал, и начал есть. Но я вижу, что он запихивает его в рот – так сильно, с такой жадностью! А тот, который умирал, он знал, что это же хлеб, это же хлеб, это - жизнь! И он начал так хныкать, он начал плакать - не громко. И вот он хныкал, а тот... Самое страшное было то, что этот лысый глухонемой мальчик забивает рот тем кусочком хлеба, а того гладит по голове - мол, я живой, а ты же все равно умираешь, ты не плачь, ты не плачь, ты не плачь... Это было ужасно.